

Эгле. Литовская народная сказка

Однажды вечером три сестры купались в озере.

Вот они наплавались, наплескались и вышли на берег.

Две старшие оделись, а младшая – её Эгле звали – только руку протянула к рубашке, вдруг кто-то как зашипит на неё!

Посмотрела Эгле – это уж забрался в рукав.

– Уходи прочь! – закричала девушка.

– Пообещай, что пойдёшь за меня замуж, уйду, – сказал уж человеческим голосом. Эгле рассердилась, а сёстры смеются.

– Чем не жених тебе! – говорят. – Соглашайся, сестрица.

И побежали домой.

Осталась Эгле одна на берегу. Солнце зашло, совсем стемнело. Страшно Эгле, да как без рубашки домой пойдёшь?

– Милый уж, отдай рубашку! – просит она. А уж всё своё твердит:

– Назовись моей невестой.

– Ну ладно, – крикнула Эгле, – будь по-твоему!

– Уж вылез из рукава. А Эгле схватила рубашку и скорей за сёстрами.

На другое утро села Эгле у окошка пряжу прядь. Сидит прядёт, песни поёт. Про ужа и думать забыла. Вдруг слышит – во дворе зашуршало, зашипело. Глянула девушка в оконце, да так и обмерла со страху.

Полон двор ужей! Шипят, извиваются. А три самых больших, самых толстых вползли на порог, в щёлку под дверь – в дом проскользнули.

Эгле – скорей из комнаты да в клеть. Забилась в уголок, дрожит от страха.

А ужи говорят отцу с матерью:

– Пришли мы сватами от самого царя озёрных вод. Снаряжайте вашу младшую дочь. Она за нашего господина обещала замуж пойти.

Что тут делать! Пусть хоть царь, а всё равно гад ползучий, уж холодный, – как за такого любимую дочь отдать! Но и отказать нельзя – сама девушка слово дала.

Как раз в ту пору у них старуха соседка гостила. Та старуха и говорит потихоньку отцу с матерью:

– Отдайте вместо дочери белую гусыню. Где ужам разобрать!

Отец с матерью так и сделали. Вынесли белую гусыню и говорят сватам:

– Вот наша младшая дочь. Везите поскорее невесту к жениху.

Ужи посадили белую гусыню в корыто и повезли её со двора. Только подъехали к воротам – слышат, кукушка на заборе кукует:

Ку-ку, ку-ку! Девушку припрятали, Гусыню сосватали. Ку-ку!

Воротились ужи в дом, зашипели, засвистели – подавай им настоящую невесту.

Опять старуха соседка шепчет отцу с матерью:

– Выведите им белую овечку.

Мать с отцом привели белую овечку.

– Не хотелось с дочкой расставаться, – говорят, – да что поделаешь! Берите её, ведите к жениху.

Ужи повели белую овечку. Полдороги прошли, как вдруг с дерева опять кукушка закуковала:

Ку-ку, ку-ку! Девушку припрятали, Овечку сосватали. Ку-ку!

Приползли сваты назад.

– Нет, – говорят, – не та невеста. А старуха соседка всё учит:

– Отдайте ужам белую корову.

Привели белую корову, алой лентой ей шею обвили, отдали сватам. Ужи погнали по просёлку белую корову, до самого большака довели. А там в кустах кукушка сидит, по кукушечьи говорит:

– Ку-ку, ку-ку! Девушку припрятали, Корову сосватали. Ку-ку!

Воротились сваты, говорят:

– Мы к вам с честью, а вы вот как! Три раза нас обманули! Смотрите, в четвёртый обманете – не миновать вам беды. Зубами изгрызём мы ваши деревья в садах, хвостами побьём посевы на полях.

Эгле услышала эти слова и вышла к сватам.

– Я, – говорит, – слово дала, я и отвечаю. Ведите меня к жениху.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Сваты по дороге ползут, за сватами Эгле идёт, за Эгле ужи в пыли вьются – невесту к жениху провожают. А кукушка за ними летит, по кукушечьи говорит:

Вот это невеста! Умна и прелестна,

Стройна, точно ёлка,

Кудри – как из шёлка!

Подошли к озеру. Вода в озере запенилась, забурлила и отхлынула от берега. А на прибрежном песке юноша появился – статный, красивый, в богатой одежде.

– Я жених твой, – сказал Эгле юноша. – Зовут меня Жалтис. Для других людей я уж, а для тебя, девушка, сбросил я змеиную кожу, тебе одной открыл своё имя. Полюбишь меня, красавица?

– Полюблю, – сказала Эгле, – буду тебе верной женой. – И пошла за женихом в подводное царство.

С тех пор девять лет минуло. Эгле родила своему мужу двух сыновей и дочку. Хорошо жилось Эгле. И дети удались ласковые, послушные, и муж её любил и берег. Только вот затосковала Эгле по родному дому. Стало ей подводное царство не мило, захотелось на отца с матерью поглядеть, ласковым словом с братьями перекинуться, с сёстрами за прялкой песни спеть. Просит она мужа:

– Отпусти меня, Жалтис, домой погостить, отцу с матерью показать наших деток. А Жалтис не отпускает.

– Разве плохо тебе в подводном царстве? – спрашивает её.

– Нет, хорошо, – отвечает Эгле, – да плоха та дочь, что отца и мать своих забудет навеки.

– Ну, будь по-твоему, – говорит Жалтис. – Отпущу тебя, только прежде спряди ты мне золотую кудель.

Эгле села за пряжу. День прядёт, другой прядёт, а кудель всё не убывает, будто даже больше становится. А старая нянюшка, которая младшую дочку нянчила, поглядела, как Эгле пряжу прядёт, покачала головой и говорит:

– Хоть до моих лет доживёшь, и то тебе не спрясть всей кудели.

– А что же, нянюшка, делать? – спрашивает Эгле.

– А ты накали спицу в огне да и проткни ею кудель.

Взяла Эгле спицу, накалила и только воткнула в кудель – вдруг выскочила из клубка большая жаба. Эта жаба в кудели сидела и выпускала изо рта золотые нити. Эгле с одного конца пряжу прядла, а с другого конца кудель ещё длиннее становилась. Ну, а теперь Эгле всю кудель в одну ночь спряла.

Наутро приносит она мужу пряжу и говорит:

– Что ты велел, то я исполнила. Исполни и ты, что обещал.

– Хорошо, – ответил Жалтис, – я от своих слов не отказываюсь. Отпущу тебя к матери и отцу, когда ты эти башмаки сносишь.

Жалтис достал из-под лавки железные башмаки и подал их жене. Обула Эгле железные башмаки. С утра до вечера ходит по острым камням, на скалы взбирается, а на железной подошве хоть бы царапина!

Нянюшка смотрит на неё и головой качает:

– Зря себя, доченька, мучишь. Сто лет проживёшь – сто лет башмаки целы будут.

– Научи, нянюшка, что делать! – просит Эгле.

– Снеси кузнецу и вели их в горн бросить. Так Эгле и сделала. Кузнец перекалил железо в горне – стало оно ломкое да хрупкое, что стекло. В один час износила Эгле башмаки. Приходит она к мужу и говорит:

– Теперь отпустишь?

– Отпущу, – говорит Жалтис. – Только как же ты без заячьего пирога в родном доме покажешься? Смотри, осудят тебя люди – загордилась, скажут.

Тут Эгле и вспомнила. Ещё когда она маленькой была и случалось отцу с матерью куда-нибудь из дому уезжать, никогда они с пустыми руками не возвращались. Привезут пирог, всех детей куском оделят и притом такие слова скажут: "По дороге шли, в заячий домик зашли, заяц нам пирог испёк, вот и вам кусок". Так по всей Литве исстари велось. Стыдно стало Эгле, что дедовский обычай забыла, и побежала печь пирог. А муж потихоньку все ведра и горшки припрятал, одно решето оставил. Как в решете воду носить, как тесто месить? Вода прольётся, мука просыплется.

Но и тут старая нянюшка помогла. Она взяла ржаного хлеба и залепила дырки. Эгле замесила в решете тесто – ни капельки воды не пролила, ни горсточку муки не просыпала.

Испекла Эгле пирог и стала с мужем прощаться.

Муж ей говорит:

– Больше девяти дней не гости. И смотри, как назад пойдёшь, чтобы никто тебя не провожал. Стань на берегу и позови меня так:

Если жив мой друг бесценный –

Забурли, вода проточная,

Из пучины брызни, пена,–

Пена белая, молочная!

Если ж милый мой убит

И в пучине тёмной плавает –

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Над волною закипит

Пена красная, кровавая.

И вы, мои сыновья, и ты, дочь, слово дайте: о чём знаете, людям не рассказывать.

Дали дети слово.

Тут Жалтис обернулся ужом и вынес жену с детьми на берег озера.

Вот радости – то было, когда Эгле со своими детьми в родной дом постучалась!

Отец и мать дочерью да внуками не налюбуются, братья, сёстры с Эгле не наговорятся.

Только соседи их дом стороной обходят и говорят:

– Вернулась ужиха с уженятами. Хорошо ещё, мужа своего дома оставила. Не было бы от них беды!

Братьям обидно. Стали они сестру уговаривать:

– Откажись от мужа, оставайся с нами навеки. А придёт муж за тобой – мы тебя не выдадим. Эгле отвечает:

– Не дело вы, братья, говорите. Как жене от живого мужа отказаться, как детей родного отца лишить? И не придёт муж за мной – я сама, как время поспеет, из вод озёрных его вызову.

– А как ты его вызывать станешь?

– Эх, братья, – отвечает Эгле, – не вам его звать, не вам про то и знать. А меня лучше не спрашивайте, всё равно не скажу.

А старуха соседка учит братьев.

– Не с той стороны, – говорит, – подступаете. Что мать не скажет – малые дети выболтают.

Вот собрались братья ночью в лес коней пасти и старшего сына Эгле с собой взяли. В лесу коней на зелёную траву пустили, разложили костёр и стали мальчика выпрашивать, как отца по имени зовут и на какой он зов отзывается.

Ничего им старший сын не сказал. Лаской выпрашивают – отмалчивается, побоями выпытывают – только слёзы льёт.

– Ну, – говорят братья, – этот в мать пошёл, может, с младшим лучше сговоримся.

Утром вернулись они домой. Эгле спрашивает у сына:

– Отчего у тебя, сыночек, глаза красные?

– В лесу костёр дымно горел, – отвечает ей сын, – вот глаза и покраснели.

На следующую ночь опять пошли братья в лес коней пасти и зазвали с собой младшего сына Эгле. Да и от него ничего не добились.

Вернулись наутро домой. Эгле глянула на сына и спрашивает:

– Что это, сыночек, и у тебя глаза красные? Не обидели ли тебя дядюшки?

– Нет, не обидели, – отвечает ей сын. – Я всю ночь не спал, коней стерёг, вот и покраснели глаза.

И на третью ночь собрались братья в лес. Приласкали они маленькую племянницу и с собой заманили.

Была она у матери с нянюшкой любимым дитятей. Никто её никогда и пальцем не тронул, злого слова не сказал. Вот стали её дядья выпрашивать да выпытывать. Она в землю глазками упёрлась, молчит, только головой качает: "Не знаю я ничего". А как пригрозили ей дядья гибким прутом, она задрожала вся, побелела, как платок, да всё и рассказала. И как отцово имя – сказала, и на какой он зов отзывается – открыла. Ну, дядьям только того и надо. Ещё пригрозили ей, чтобы она перед матерью и словом не обмолвилась, и отвели её домой.

А сами захватили косы, пошли к озеру. Сделали они своё злое дело, косы о траву вытерли и воротились назад. Только стали косы в сенях вешать, услышала Эгле железный звон, и сжалось у неё сердце.

– Что, братцы, – спрашивает, – вы так рано на работу поднялись?

Братья отвечают:

– Густая трава по утренней росе ровнее ложится.

А Эгле всё душой беспокойна. В тот же день собралась она назад, к мужу. У порога с матерью и отцом попрощалась, у ворот сестёр, братьев обняла – никому провожать себя не позволила. Подошла она с детьми к озеру, стала на бережку и сказала, как муж её научил:

Если жив мой друг бесценный –

Забурли, вода проточная,

Из пучины брызги, пена, –

Пена белая, молочная!

Если ж милый мой убит

И в пучине тёмной плавает –

Над волною закипит

Пена красная, кровавая...

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Тут всколыхнулись озёрные воды, пеной вспенились. Да не белая пена на волнах качается, не белая, как молоко, а красная, как кровь. И со дна голос послышался:

В час туманный,
В час рассветный
Я людьми загублен злыми.
Дочка милая,
Зачем ты
Назвала отцово имя?

Заплакала, зарыдала Эгле. Потом обернулась к детям и сказала:

– Нет у вас ласкового отца, нет у меня любимого мужа. Никто нас в подводном царстве не приветит, а под одним кровом со злыми убийцами нам не жить. Пусть же будет так, как я скажу:

Сыновья мои родные,
Вы сдержали слово твёрдо –
В дуб и ясьень превратитесь,
Не сгибаясь, стойте гордо.
Ты же, маленькая дочка,
Не сильна в беде душою,
Стань пугливой осиною,
Трепещи всегда листвою.
Мне же елью стать печальной,
Стать угрюмой, тёмной елью,
Лить потоки слёз янтарных,
По ночам стонать с метелью.

И как сказала, так и случилось: старший сын превратился в дуб высокий, младший – в ясьень, а дочь – в трепетную осину.

Сама Эгле обернулась тёмной елью. С тех пор и повелись на земле ель, дуб, ясьень и осина. Печальной вдовой клонит ель свои ветви долу. Чуть дохнет ветер – дрожат, точно от страха, мелкие листочки осины. А у дуба и ясеня стволы крепкие и твёрдые, как сердце верного человека. А почему это так, только тот и знает, кто слышал от дедов про бедную Эгле и про её детей.